В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая

Автор:

[Кэтрин Бу](#)

В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая

Кэтрин Бу

Вокруг планеты за 80 книг Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

Серия «Вокруг планеты за 80 книг» – это захватывающее путешествие по странам, которые хранят свои тайны от туристов. Как живут индийцы за пределами шикарных отелей? Что происходит за колючей проволокой концлагерей Северной Кореи? Какие трудности ждут девочек Пакистана, которые хотят получить образование, вместо того чтобы выходить замуж в 14 лет... Люди, с которыми вы никогда не встретитесь. Судьбы, которые невозможно забыть. Книги, которые меняют мировоззрение... Открывает серию лучшая книга 2012 года, по мнению более 20 авторитетных изданий, «В тени вечной красоты» Кэтрин Бу. Мусорщик Абдул, содержащий семью из 11 человек, красавица Манджу, которая слишком хороша для местных женихов, хромоногая Фатима, решающая отомстить ненавистным соседям самым жутким способом, – эти и другие герои живут в трущобах, в беднейшем квартале Индии, расположенном в тени ультрасовременного аэропорта Мумбая. У них нет настоящего дома, постоянной работы и уверенности в завтрашнем дне. Но они хватаются за любую возможность вырваться из крайней нищеты, и их попытки приводят к невероятным последствиям...

Кэтрин Бу

В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая

Katherine Boo

BEHIND THE BEAUTIFUL FOREVERS:

LIFE, DEATH, AND HOPE IN A MUMBAI UNDERCITY

Copyright © 2012 by Katherine Boo

© Крейнина И.А., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Серия «True Story»

«Затерянные в Шангри-Ла»

Автор: Митчелл Зукофф

Реальная история о том, как увлекательное путешествие обернулось авиакатастрофой и отчаянной борьбой за выживание на диком острове, населенном туземцами-каннибалами. Признана «ЛУЧШЕЙ КНИГОЙ 2011 ГОДА».

«В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая»

Автор: Кэтрин Бу

Лучшая книга 2012 года, по мнению более 20 авторитетных изданий. Герои книги живут в трущобах, беднейшем квартале Индии, расположенном в тени ультрасовременного аэропорта Мумбаи. У них нет настоящего дома, постоянной работы и уверенности в завтрашнем дне. Но они хватаются за любую возможность вырваться из крайней нищеты, и их попытки приводят к невероятным последствиям...

«12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа»

Автор: Соломон Нортап

Книга Соломона Нортапа, которая стала исповедью о самом темном периоде его жизни. Периоде, когда отчаяние почти задушило надежду вырваться из цепей рабства и вернуть себе свободу и достоинство, которые у него отняли. Текст для перевода и иллюстрации заимствованы из оригинального издания 1855 года. По этой книге был снят фильм «12 лет рабства», номинированный на «Оскар-2014».

«Побег из лагеря смерти (Северная Корея)»

Автор: Блейн Харден

Международный бестселлер, основанный на реальных событиях. Книга была переведена на 24 языка и легла в основу документального фильма, получившего мировое признание. Книга-скандал! Герой книги Шин – единственный в мире человек, который родился в северокорейском концлагере и смог оттуда сбежать.

«Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата»

Автор: Ишмаэль Бих

Исповедь молодого человека из Сьерра-Леоне, который после нападения боевиков на его родной поселок потерял всех членов своей семьи и был вынужден вступить в армию в возрасте 13 лет. К 16 годам он уже был профессиональным убийцей, не задающим лишних вопросов. «Завтра я иду убивать» позволяет нам взглянуть на войну глазами подростка, более того – подростка-солдата.

Посвящается Сунилу Хилнани и Сунилу Шарме, научившим меня никогда не сдаваться.

Пролог

Среди роз

17 июля 2008 г., Мумбаи[1 - Мумбаи (старое название – Бомбей) – один из крупнейших городов Индии, столица штата Махараштра. Расположен на Малабарском (западном) побережье полуострова Индостан. – Ред.]

Близилась полночь. Остатки одежды сгоревшей одноногой женщины тлели во дворе. Мумбайская полиция рыскала в поисках Абдула и его отца. В жалкой хижине среди трущоб, притулившихся недалеко от международного аэропорта, прошло экстренное совещание родителей Абдула. Они были на удивление скупы на слова, когда вынесли свой вердикт. Больной отец останется здесь, в этой наскоро сколоченной из всякого попавшегося под руку хлама хибаре с металлической крышей, в которой ютилось семейство из одиннадцати человек. Он будет ждать, пока за ним придут, и безропотно последует за полицейскими, когда его арестуют. А вот сын, кормилец и добытчик, должен бежать.

Что думает сам парень об этом плане, не принималось во внимание. Впрочем, как всегда. Да к тому же он был в полном оцепенении от страха. Абдулу недавно исполнилось шестнадцать. А может, девятнадцать? У родителей была плохая память на даты. Аллах по своей непостижимой мудрости создал его невысоким и юрким. «Так и должен выглядеть настоящий трус», – говорил себе Абдул. Он

не умел скрываться от полиции. Он разбирался только в сортировке мусора. Сколько себя помнил, все часы бодрствования посвящал одному занятию: покупке отходов, выбрасываемых богатыми и благополучными людьми вещей, и перепродаже их тем, кто занимался переработкой.

Сейчас он понимал, что надо спрятаться, но представить себе не мог, как это делается. Абдул пустился бежать, однако вскоре вернулся домой. В голову не пришло ничего лучше, чем забраться в кучу мусора на своем собственном маленьком складе.

Он толкнул скрипучую дверь семейного жилища и выглянул наружу. Домишко стоял в самой середине трущобного квартала среди таких же лачуг, сооруженных из остатков разных строительных материалов. Кривобокий сарай, служивший складом, был тут же, рядом. Абдулу надо было быстро и незаметно пробраться туда, лишив соседей удовольствия сдать его полиции.

Но луна пугала его. Полная и до безобразия яркая, она освещала пыльный пустой двор перед домом. Напротив виднелись хижины еще двух десятков семей. Мальчику казалось, что в каждой у фанерной двери кто-то стоит и украдкой поглядывает на улицу. Некоторые жители трущоб ненавидели Абдула и его родителей по причине старой взаимной неприязни между мусульманами и индуистами. Другие относились к нему и его близким плохо по другим, более современным, экономическим причинам. Они завидовали мусорщику: этот парень, занимавшийся презираемым многими индийцами ремеслом, неплохо по здешним меркам обеспечивал всю большую семью. Его заработок позволил им выбраться из нищеты.

Во дворе все было до странности тихо и спокойно. Здесь, у берегов небольшого пруда с нечистотами, служившего восточной границей трущобного района, поздно вечером обычно всегда царила суматоха. Местные жители дрались, готовили еду, флиртовали, мылись, пасли коз, играли в крикет, толпились возле колонки, выстраивались в очередь возле небольшого борделя. А те, кто вляпался в черную жижу со сладковатым трупным запахом, сочившуюся из-под двери хибары через несколько домов от жилища Абдула, пытались смыть себя эту грязь и избавиться от вони. Страстям, кипевшим за стенами убогих лачуг в узких проулочках, некуда было выплеснуться, кроме как на этот майдан[2 - Майдан – на Востоке и в некоторых славянских и балканских странах (например, на Украине) – центральная площадь деревни, часто используемая как торг. Шире – вообще площадь. – Ред.]. Но после недавно разразившейся здесь

драмы и самосожжения женщины, которую местные именовали просто «одноногая», все попрятались в свои дома.

Сейчас во дворе почти никого не было: лишь несколько полудиких свиней, водяной буйвол и несколько пьяниц с отвислыми животами. Разумным можно было назвать лишь одно присутствовавшее здесь существо – молчаливого мальчонку из Непала. Он сидел у грязного водоема, обхватив руками колени. Его фигура была окутана голубой дымкой: неоновые огни расположившейся на другой стороне пруда роскошной гостиницы отражались в воде и бросали фантастические отсветы на эту худенькую фигурку.

Не беда, если непалец увидит, как Абдул прячется в сарае. Этот мальчик, Адарш, уж точно не подсланный полицией шпион. Он просто любит допоздна сидеть во дворе, спасаясь от ежевечерних припадков ярости, которым подвержена его мать.

Вряд ли Абдулу представился бы более подходящий момент, чем сейчас. Он проскочил в сарай и запер за собой дверь.

Внутри было темно, хоть глаз выколи. По углам с жутковатым шорохом копошились крысы. И все же здесь ему было спокойнее. Склад площадью 110 квадратных метров был завален хламом до хлипкой, вечно протекающей крыши. Но это были его владения; он знал, как с этим управляться. Здесь были пустые бутылки от воды и виски, заплесневелые газеты, аппликаторы от использованных тампонов, смятая фольга, остовы зонтиков, с которых ветром сорвало ткань, шнурки от ботинок, пожелтевшие ватные палочки, кассеты с вывалившейся и запутавшейся магнитной лентой, разорванные пластиковые коробки от поддельных кукол Барби. Где-то в темноте валялись и сами эти фальшивые «Берби» или «Барбли», покалеченные во время жестоких экспериментов, проделываемых избалованными детьми над надоевшими им игрушками. Абдул с годами научился мастерски сортировать свои сокровища, чтобы легче было в них ориентироваться, так что куклы сейчас складированы все вместе в отдельной куче.

Надо быть осторожным, избегать проблем. Так сказать, держаться от греха подальше. Этот жизненный принцип Абдул Хаким Хусейн усвоил так глубоко, что, казалось, он отпечатался у него на лбу. У юноши были глубоко сидящие глаза, впалые щеки, мускулистое и гибкое тело. Именно такая комплекция идеальна для жителя трущоб, которому вечно приходится пробираться через

кишащие людьми узкие переулки. Весь он был как-то очень «компактно сбит», за исключением, пожалуй, только оттопыренных ушей и торчащих в разные стороны кудряшек, которые иногда, когда он стирал пот со лба, выглядели по-девичьи трогательно.

Незаметная, позволяющая раствориться в толпе внешность – полезное свойство для обитателя Аннавади, вонючей дыры, застроенной трущобами. Здесь, посреди благополучного западного пригорода индийской финансовой столицы, три тысячи человек ютились друг у друга на головах в трехстах тридцати пяти убогих хижинах. В этом квартале шла вечная ротация – постоянно приезжали и уезжали мигранты со всех концов страны. В основном это были индуисты, представители различных каст, цехов, религиозных общин. Верования и традиции соседей были столь разнообразны и причудливы, что Абдул, один из трех десятков мусульман Аннавади, даже не пытался в этом разобраться. Он просто понимал, что отношения в районе непростые, в них много тонкостей и хитросплетений. Тут вообще было много всего разного, старого и нового, и со всем этим надо быть осторожным. Одного нельзя отрицать: Аннавади – просто золотая жила для мусорщика, умеющего извлекать деньги из выбрасываемых богатыми бытовых отходов.

Абдул и его соседи нашли себе приют на земле, принадлежавшей аэропорту и смежным ведомствам. От центрального входа в международный терминал трущобы отделяло лишь широкое шоссе с растущими вдоль него кокосовыми пальмами. Вокруг Аннавади расположились пять пятизвездочных отелей, в которых селились многие из прибывающих в город гостей. Четыре гостиницы представляли собой помпезные каменные строения с роскошным восточным декором. Стены пятой, «Хайат», сплошь были из голубоватого стекла. С верхних этажей этой башни Аннавади и несколько других бедных поселений выглядели как микроскопические деревеньки, притулившиеся между элегантными современными районами.

– Вокруг нас одни розы, – говаривал Мирчи, младший брат Абдула. – Только мы тут, как дерьмо среди роз.

В начале двадцать первого века, когда экономика Индии начала стремительно расти, уступая разве что китайской, вокруг международного аэропорта как грибы стали появляться красивые жилые дома из розового камня и стеклянные башни офисов. Один из комплексов носил простое имя «Самый». Повсюду

виднелись краны, возводящие все больше новых зданий. Самые высокие из них уже мешали садиться самолетам, которых тоже становилось все больше и больше. Этот выросший прямо на глазах квартал был окутан дымкой смога и источал благоденствие. При этом его процветание открывало новые перспективы и для ютившихся вокруг полунищих соседей.

Каждое утро тысячи мусорщиков направлялись к новым домам и офисам на поиски добычи. Они шныряли по аэропорту и окрестностям, выискивая все, что можно выгодно перепродать. Каждый из них находил здесь, чем поживиться – ему перепало по несколько килограммов из восьми тысяч тонн отходов, ежедневно производимых в Мумбаи. Эти люди лихо подхватывали смятые пустые пачки от сигарет, которые выбрасывали из окон автомобилей с тонированными стеклами, рыскали по помойкам и сточным канавам в поисках бутылок из-под воды и пива. Каждый вечер они возвращались в трущобы, таща за спиной мешки из грубой дерюги, набитые всякой всячиной. Это походило на фантастическую процессию алчных, грязных Санта-Клаусов с кривыми зубами и сломанными ногтями.

Их уже поджидал Абдул, стоя рядом с ржавыми весами. Этот парень находился на более высокой ступени мусорного бизнеса, процветавшего в нищем квартале. Он оценивал и покупал то, что приносили ему «с полей», а прибыль получал от оптовой продажи сортированного мусора небольшим перерабатывающим заводам в нескольких километрах от Аннавади.

Лучше всего в семье Абдула торговалась мать. На мусорщиков, просивших слишком много за свой товар, она обрушивала лавину ругательств. Абдул был скуп на слова и вообще медлителен. В чем он достиг совершенства, так это в сортировке отходов. Навык разделять купленное на более чем шестьдесят разных категорий (бумага, пластик, металл и т. д. и т. п.) был жизненно важным для того, кто хочет выгодно сдать все это на утилизацию.

Тут он проявлял чудеса скорости. Это и неудивительно, ведь Абдул сортировал мусор лет с шести, когда выяснилось, что туберкулез и жизнь среди постоянной вони окончательно испортили легкие отца. Вся моторика мальчика развивалась именно благодаря работе, которую ему приходилось выполнять ежедневно.

– У тебя ведь все равно нет способностей к учебе в школе, – недавно заметил отец. Вообще-то, по мнению Абдула, он недостаточно времени провел за партой, чтобы хоть какие-то способности успели проявиться. В детстве он ходил

на занятия, но в классе, как ему казалось, ничему особенно и не учили. А потом пришлось работать и только работать. Труд этот был настолько грязным, что даже сопли в носу у Абдула были черными. И эту лямку предстояло тянуть всю жизнь. Обычно предопределенность его судьбы казалась ему тяжелой и давящей, вечно висящей над ним, как приговор. Но сегодня, прячась от полиции, он жил одной надеждой: как же здорово будет, если удастся вернуться к обычному укладу и делать то, к чему привык.

На складе почти не чувствовался запах горелой плоти, распространившийся по окрестностям после несчастья с Одноногой. Здесь его заглушали миазмы мусора и пота, который насквозь пропитал одежду взмокшего от страха Абдула. Мальчик разделся, засунув штаны и рубашку под шаткую кипу газет, возвышавшуюся возле входа.

Подумав, он решил забраться на самый верх трехметровой кучи отходов и устроить себе лежбище у задней стенки сарая. С его проворством при свете дня это было бы несложно – он совершил бы подобный трюк секунд за пятнадцать. Но сейчас, в темноте, нужно было быть вдвойне осторожным: один неверный шаг, и на землю полетят бутылки и банки. От такого шума вся округа узнает, где он укрывается, тем более что стены между хижинами очень тонкие.

На мгновение он застыл, потому что откуда-то справа, совсем близко послышался негромкий храп. Ах да, здесь же спит только что прибывший из далекой деревни кузен. Этот немногословный простак безмятежно посапывал, видимо, полагая, что в большом городе сожжение женщин – повседневное событие. Абдул подался левее, на ощупь обогнул темную грудку полиуретановых мешков. Полиуретан всегда притягивает всякую грязь, поэтому сортировка пакетов была особенно ненавистным занятием. Но тут он вспомнил, что уложил связанные пакеты на гору подмокшего картона. На эту кучу можно взобраться, не производя особого шума.

Он нащупал полиуретан и плоско сложенные коробки у той стены сарая, которая примыкала к его дому. Попробовал опереться на эту кипу руками: картон продавился и подался вниз, где-то внизу послышалось шуршание растревоженных крыс, но ни скрежета металла, ни звука падающих предметов он не уловил. Теперь можно было уверенно ступить на первую ступень пирамиды, опереться левой рукой в стену, и занести ногу для следующего шага.

С той стороны перегородки кто-то топтался. Вероятнее всего, отец. Он, наверное, уже снял ночную одежду, готовясь идти в участок, и надел нейлоновую рубашку, которая болтается на нем, как на вешалке. А сейчас, скорее всего, переминается с ноги на ногу, уставившись на лежащую на ладони горку табаку. Он мог целый вечер играть с такой горкой, прочерчивая в ней пальцем круги, потом треугольники, а затем снова круги. Этим отец занимался, когда не знал, куда себя деть.

Еще несколько шагов вверх, легкое дребезжание каких-то предметов под рукой и вот, наконец, Абдул добрался до задней стены сарая и лег вдоль нее. Теперь он жалел, что снял штаны. Здесь же туча комаров! Да и острые края какой-то пластиковой упаковки режут тыльную часть бедер.

В воздухе плыл горький запах гари. Он отдавал керосином, сандаловым маслом и почти не напоминал об обуглившейся человеческой плоти. Если бы Абдул уловил такой дух, проходя по одной из улочек квартала трущоб, то не удивился и не насторожился бы. Все это были цветочки в сравнении с вонью от протухшей гостиничной еды, которую ежевечерне привозили на свалку в Аннавади и частично скармливали тремстам чумазым местным свиньям. Но желудок Абдула сводило не от самого противного запаха, а от того, что он понимал его происхождение.

Одноногую женщину Абдул знал с того самого дня, как его семья приехала в Аннавади. Это было восемь лет назад. Знакомство с ней было неизбежным, ведь ее жилище отделял от хижины Абдула лишь тонкий лист фанеры. Уже тогда ее запах был неприятен мальчику. Несмотря на бедность, одноногая умудрялась каким-то образом приобретать духи и обильно поливалась ими. Мать Абдула, пахнувшая грудным молоком и жареным луком, не одобряла такой страсти к парфюмерии.

В тяжелые минуты, подобные нынешней, Абдул всякий раз приходил к выводу, что его мать Зеруниза права в большинстве своих суждений. С детьми она была нежной и веселой. Единственным серьезным недостатком, по мнению ее старшего сына Абдула, была ее любовь к грубым и вычурным ругательствам, к которым она часто прибегала во время споров и перепалок. Вообще-то в мусорном бизнесе принято вести торг, не особо стесняясь в выражениях. Но Абдулу казалось, что мать уж слишком смакует проклятия, переходя границы общепризнанных норм.

– Жалкий прощелыга с усохшими мозгами! – насмешливо кричала она в притворном раже, – ты думаешь, мои дети будут голодать, если ты не принесешь своих жалких банок? Нет, мне просто следовало бы снять с тебя штаны и порезать на колбасу то небольшое, что ты в них прячешь!»

И это вырывалось из уст женщины, выросшей в далекой деревне, в строгости и благочестии, где девушки ходят с ног до головы укутанные черными накидками.

Абдул считал себя «на девяносто процентов старорежимным и консервативным» и не стеснялся упрекать мать:

– Что бы сказал твой отец, если бы услышал, как ты ругаешься на улице?

– Он бы, конечно, был вне себя, – ответила как-то раз Зеруниза. – Но ведь он выдал меня за больного, неспособного обеспечить семью человека. Просто поспешил сплавить дочь из дому. Если бы я всю жизнь сидела тихо, как моя мать, не высовываясь из дому, мы все бы пошли по миру.

О недостатках отца, Карама Хусейна, Абдул не решался говорить вслух. С одной стороны, он, вроде, слишком хворый, чтобы сортировать мусор, но с другой, достаточно здоровый, чтобы без конца «подкатывать» к жене. Он вырос среди ваххабитов, выступающих против контроля над рождаемостью. Зеруниза рожала десять раз, и девять из детей выжили.

Каждый раз во время беременности женщина утешалась тем, что производит на свет «рабочую силу», которая будет кормить ее в старости. Но Абдулу-то нужно было тянуть на себе всю эту компанию уже сейчас! Поэтому он нервничал, совершал ошибки, платил втридорога за никому не нужные отходы.

– Не спеши, – мягко советовал ему отец. – Не доверяй одним лишь весам. Принюхивайся, прислушивайся, проверяй на вкус то, что тебе приносят. Поскреби кусок металлолома ногтем, постучи по нему – звук подскажет, из какого материала сделан тот или иной обломок на самом деле. Пожуй кусочек пластика, чтобы понять его качество. Если это жесткая пластмасса, разломи и понюхай. Свежий запах говорит о том, что полиуретан высокого качества.

Абдул освоил эту науку. Через год кропотливой работы семье уже вполне хватало на пропитание. Еще через год – соорудили некое подобие дома. Фанеру заменили на листы алюминия, попавшиеся среди приобретаемого лома, а чуть позже даже возвели стену из бракованных кирпичей. Благодаря этому жилище Абдула стало чуть ли не самым крепким и роскошным среди других трущоб. С возведением «капитальной» перегородки он испытал целую бурю различных чувств. Во-первых, гордость. Во-вторых, страх: боялся, что кирпичи окажутся настолько плохого качества, что стена быстро развалится. И в третьих – облегчение. Наконец можно расслабиться и пощадить свой слух и нервы: от Одноногой, принимавшей у себя любовников, пока ее муж сортировал где-то горы мусора, семью Абдула теперь отделяла восьмисантиметровая преграда.

В последние месяцы он почти не видел и не слышал ее. Она заявляла о себе, только когда ковыляла мимо него на металлических костылях, направляясь на рынок или в общественную уборную. Костыли, видимо, были коротковаты, потому что она ходила, отвесив заднюю часть и забавно покачивая ею. Окружающих это всегда потешало. Еще больший восторг вызывала у всех ее яркая помада. «Неужели она так красится только чтобы пройти до туалета?» – недоумевали соседи. Иногда она красила губы в ярко-оранжевый цвет, а временами в пурпурно-красный. Шутили, что она залезла на дерево джамбулана[3 - Джамбулан (джамун, слива джава, джамбул) – распространенное в Южной Азии садовое дерево, плоды которого, по форме и цвету напоминающие сливу, растут крупными гроздьями. Сок этих плодов имеет ярко-красный цвет. – Ред.] рядом с отелем «Ли́ла» и сожрала все плоды с него.

Одноногую звали Сита. У нее была прекрасная кожа. И хотя это качество женщин обычно высоко ценится, в данном случае перевесило врожденное уродство – одна нога у нее была сильно короче другой. В результате на рынке невест девушка не представляла практически никакой ценности. Ее родители-индуисты поспешили выдать дочь за первого и единственного жениха, который к ней посватался. Это был старый, некрасивый, бедный работяга-мусульманин. Мать Ситы как-то сказала о нем, скорчив недовольную гримасу: «Он полуглухой, но кто же еще на ней женится?» Муж переименовал ее в Фатиму, и от этого по определению несчастливого брака родились три худеньких девочки. Самая слабая и больная из них утонула дома в ведре. Фатима не очень переживала по этому поводу, в связи с чем в квартале ходили нехорошие слухи. Через несколько дней после несчастья Фатима снова появилась на людях. Так же, как и раньше, она виляла бедрами и так же бесстыдно рассматривала мужчин, гордо подняв свое веснушчатое лицо и устремив на них наглый взгляд.

Вообще не только она, но и все обитатели Аннавади в последнее время все время жаждали большего, чем предначертано им судьбой. Индия стремительно развивалась и расцветала, и одновременно уходили в прошлое старые представления, будто нужно принимать жизнь такой, какой тебе ее послали боги или какая предначертана твоей принадлежностью к той или иной касте. Теперь все верили в новые возможности и желали новых свершений. О лучшей доле жители трущоб говорили так, будто счастье вот-вот наступит, постучится в двери, как родственник, который обещал явиться в ближайшее воскресенье. Люди были уверены, что завтра уж точно будет лучше, чем вчера.

Брат Абдула Мирчи не собирался сортировать мусор. Он представлял себя в накрахмаленной униформе, в роли служащего роскошной гостиницы. Говорили, что некоторые официанты целыми днями только тем и занимаются, что втыкают шпажки в кусочки сыра или следят за тем, чтобы ножи и вилки на столах лежали ровно. Мирчи мечтал о такой чистой работе.

– Погодите, я вам еще покажу! У меня будет ванная размером с наш дом, – похвастал он как-то раз в разговоре с матерью.

Мечтой тщедушного уборщика туалетов по имени Раджа Камбл, жившего на соседней улочке, было накопить денег, чтобы сделать операцию на сердце. Тогда он мог бы продолжать добывать пропитание для семьи и дожить до совершеннолетия своих детей. Пятнадцатилетняя Мина, чей дом находился за углом, грезил о свободе и приключениях, таких, как показывают в телевизионных сериалах. О вынужденном замужестве по сговору родителей и унылом существовании в качестве бессловесной рабы мужа и домашнего хозяйства ей думать не хотелось. Сунил, двенадцатилетний недоросток-мусорщик, спал и видел, что он будет есть досыта и сможет быстрее расти. А вот Айшу, бой-бабу, жившую рядом с общественной уборной, одолевали амбиции. Она жаждала стать старостой, неофициальной правительницей Аннавади, а потом, используя связи и неискоренимую коррупцию, поднять свою семью до уровня среднего класса. Ее юная дочь Манджу преследовала более благородную цель: она хотела первой среди обитателей своего района получить высшее образование.

Но самые безумные мечты, по всеобщему мнению, лелеяла Одноногая. Все ее интересы вертелись вокруг внебрачного секса. Но занималась она этим не только для того, чтобы заработать себе на мелкие расходы. Это соседи

поняли уже давно. Она желала избавиться от клейма, которое накладывал на нее врожденный физический дефект. Ей хотелось, чтобы перед ней преклонялись и считали привлекательной. В Аннавади считали, что подобные претензии со стороны уродливой хромоножки – это уж слишком.

А чаяния Абдула были простыми: найти жену, которая не будет употреблять такие слова, как «ублюдок» и «козлина». И еще ее не должно беспокоить, чем пахнет от ее мужа. Хорошо было бы также подыскать для себя и семьи хороший дом в любом другом месте, но только не в Аннавади. Абдул, как и большинство соседей (да и, в целом, как все люди на Земле) полагал, что его желания соответствуют его возможностям.

Полицейские явились в Аннавади. Они шли через майдан к дому Абдула. Конечно, это были они. Никто из обитателей трущоб не обладал таким уверенным и властным голосом.

Родственники Абдула знали несколько человек из местного участка. Поверхностного знакомства с некоторыми представителями этого племени было достаточно, чтобы бояться их всех. Проведав, что семейству из трущоб удастся что-то заработать, они начинали наведываться через день и заставляли делиться. Самым противным был констебль Павар, запугавший до полусмерти маленькую девочку по имени Дипа, торговавшую цветами возле отеля «Хайат». В целом же все они были хороши – любой с радостью отнимет у бедняка последний кусок хлеба.

В тот момент, когда двое полицейских вошли в дом, Абдул весь сжался: он ждал, что сейчас послышится плач детей, крики, ругань, полетят на пол опрокидываемые металлические кастрюли... Но офицеры были спокойны и даже дружелюбны. Они изложили факты. Одноногой удалось выжить. Она в больнице и указала оттуда на своих обидчиков. По ее признанию, Абдул, его отец и старшая сестра избили ее, а потом подожгли. Позже Абдул вспоминал: слова полицейских доходили до него через стену сарая, но он их слышал как будто в замедленной записи. Состояние это было похоже на горячечный бред. Оказывается, она обвинила и его сестру, Кекашан. Только за одно это можно было бы пожелать, чтобы Одноногая сдохла. Но потом он решил, что мечтать о ее смерти все-таки не стоит. Если бы она погибла, всю семью преследовали бы еще более сурово.

Такова судьба жителя Аннавади и любого бедняка из других трущоб Мумбаи: рано или поздно все равно окажешься в чем-то виноватым. Абдулу приходилось иногда покупать у мусорщиков краденый металлолом. А еще он вел бизнес, не имея лицензии. Да и само проживание в Аннавади было незаконным. Власти аэропорта никогда не допустили бы появления здесь легальных поселений подобного рода. Но ни Абдул, ни его родные не посягали на жизнь Одноногой соседки. Она сама подожгла себя.

Абдул слышал слабый, с одышкой голос отца. Когда его уводили, он уверенно заявил о невинности – своей и своих близких.

– Ну, и где же твой сын? – громко спросил один из полицейских, остановившись у самых дверей склада. В данном случае он возвысил голос не для того, чтобы показать свою власть над арестованным. Он просто старался перекричать раздававшиеся из хижины вопли и плач, издаваемые матерью.

Зеруниза Хусейн при любом удобном случае изливала потоки слез. Очень часто она использовала этот прием, чтобы начать дискуссию по какому-либо волнующему ее поводу. Но теперь она искренне рыдала вместе с маленькими детьми, которые, в отличие от Абдула, любили отца простой и бесхитростной любовью и были очень привязаны к нему. Эту ночь и полицию, уводящую папу из дома, они запомнят надолго.

Время шло. Всхлипы стали затихать.

– Ничего, он вернется через полчаса, – уверяла малышей мать. Эти звенящие ноты и сладкий тон были привычны для Абдула. Таким тоном она обычно лгала. Но он обратил внимание на слова «вернется». Значит, арестовав отца, полицейские убрались из Аннавади.

Нельзя было исключать, что они вернутся, чтобы отыскать самого Абдула. Однако он знал, что их энтузиазм имеет предел, и, скорее всего, они решат, что ночью суетиться не стоит. Следовательно, у него есть еще три-четыре часа, чтобы разработать более изощренный план бегства и покинуть кучу мусора за стеной родного дома.

Он чувствовал, что вполне способен рискнуть. Ведь, в конце концов, он всегда гордился тем, что сортировка мусора феноменально натренировала ему мышцы

рук. Абдул утверждал, что может рубить ладонями кирпичи, как Брюс Ли.

Как-то раз он даже поделился этой мыслью с одной девочкой.

– Сейчас принесу кирпич, – немедленно отреагировала та на это необдуманное и поспешное заявление. Пришлось срочно ретироваться: убеждение в своей способности разбивать кирпичи придавало ему уверенности в себе, но ставить эксперименты в его планы не входило.

Брат Мирчи, на два года младше Абдула, был на порядок храбрее и прятаться среди мусора бы не стал. Он посчитал бы это унижительным. Ему нравились голливудские боевики, в которых отважные герои с обнаженным торсом, из тех, что не в ладах с законом, прыгали из окон с высоты в несколько этажей и бегали по крышам вагонов поезда на полном ходу. А в это время в них всюду палили полицейские, но почему-то никак не могли попасть в цель. Абдул же принимал все виртуальные киноопасности слишком близко к сердцу. Он по сей день с содроганием вспоминал тот вечер, когда вместе с еще одним мальчиком отправился в пиратский видеосалон, располагавшийся в хибаре в нескольких километрах от Аннавади.

Они посмотрели там фильм ужасов: в подвале некоего особняка поселился монстр – чудовище, поросшее рыжей шерстью и питавшееся человечинной. После сеанса Абдул был вынужден заплатить хозяину заведения еще двадцать рупий, чтобы тот позволил ему переночевать здесь же на полу, потому что ноги его от страха стали совсем ватными и идти домой он просто не мог.

С одной стороны, ему было стыдно демонстрировать другим свой страх. С другой – он считал, что вести себя иначе просто неразумно. Сортируя газеты или банки, он работал в основном руками, а сам наблюдал за соседями. Это развлекало его, к тому же на основе наблюдений он строил различные социальные теории. Одна из них казалась правдоподобнее остальных. Абдул заметил, что удача и счастье человека, живущего в Аннавади, зависели не столько от рода занятий и профессионализма, сколько от того, насколько умело он мог избегать разного рода неприятностей и катастроф. Счастлив тот, кого не сбил поезд, не обидел староста, не покусал малярийный комар. Конечно, он жалел, что ему не хватает ума и смекалки, но в то же время верил, что у него имеется не менее ценное для выживания в этой среде качество. Он обладал тем, что местные называют «чоканна» – был бдителен, всегда начеку.

– Я умею смотреть во всех направлениях, – говорил он иногда. Абдул был убежден, что предчувствует опасность и знает, как увернуться от нее, пусть даже в последний момент. История с Одноногой была первым случаем, когда он совершил промах.

Неизвестно, сколько времени прошло до того, как на майдане появилась соседка по имени Синтия. Она орала что есть мочи: «Почему же полиция не арестовала всю семью?» Синтия была подругой одноногой Фатимы и ненавидела Абдула и его родных, так как ее семейный мусорный бизнес прогорел. «Давайте все пойдем в участок и попросим полицейских, чтобы они забрали остальных», – громко призывала она обитателей Аннавади.

Из дома Абдула в ответ не раздалось ни звука. Через некоторое время Синтия наконец заткнулась. Похоже, ее никто не поддержал и на марш протеста выходить не собирался. Соседи лишь разозлились за то, что она их разбудила. Постепенно напряжение начало спадать, Абдул немного расслабился... И тут услышал повсюду звон металлических кастрюль. Он приподнялся, встревоженно и озадаченно оглядываясь по сторонам.

Золотой свет струился через щели в двери. Но это не была дверь его склада. Он на секунду задумался и вспомнил, что это за место: это хижина молодого повара-мусульманина, жившего на другой стороне двора. Было уже утро, а металлический звон оповещал, что обитатели соседних лачуг уже встали и готовят завтрак.

Каким же образом он, Абдул, оказался здесь – в штанах, лежащим на полу? Когда он пересек майдан? Видимо, от страха у него случился провал в памяти, и он так никогда и не смог вспомнить, как провел последние несколько ночных часов. Ясно было одно: в самой ответственной, критический момент своей жизни, в ситуации, требующий мужества и предприимчивости, он не поспешил покинуть Аннавади, а просто заснул!

Наконец ему стало ясно, что надо делать: срочно отыскать мать. Он оказался неспособным к бегству и нуждался в ее руководстве. Она должна подсказать, что теперь делать.

Зеруниза проинструктировала его молниеносно:

– Беги быстрее, изо всех сил! – напутствовала она его.

Абдул схватил чистую рубашку и выскочил из дома. Через пустырь, потом вдоль неровно выстроившихся трущоб и дальше, дальше по гравиевой дороге. Вот справа куча мусора и водяной буйвол. Это его квартал. Напротив – сверкающий стеклом «Хайат». На бегу он с трудом пытался застегнуть пуговицы рубашки. Через двести метров путь ему преградила ведущая к аэропорту трасса. Вдоль нее тянулись цветущие сады – он почти не ходил среди этих деревьев и никогда не любовался всеми этим красотами. Здесь даже порхали бабочки...

Но он пролетел мимо и направился к аэропорту. Зал прилета – вниз, зал отправления – вверх. Нет, не сюда, а в сторону, вдоль длинного металлического забора, выкрашенного в бело-голубые цвета. За ним слышался стук забиваемых свай и рев экскаваторов – возводился новый суперсовременный терминал. По ходу он машинально прикинул стоимость листов алюминия, из которых было сделано ограждение. Мусорщик, которому удалось бы стащить и продать пару таких панелей, мог бы жить на эти деньги целый год.

Он все бежал. Круто повернул вправо перед стоянкой такси: желто-черные машины на утреннем солнце сияли так, что свет резал глаза. Снова направо, вдоль круто изгибающегося шоссе и склонившегося над проезжей частью дерева... И, наконец, последний поворот, после чего Абдул оказался на территории полицейского участка Сахар.

Зерунизе было достаточно одного взгляда на испуганное лицо сына, чтобы понять: этот не сможет прятаться от полиции. Да и сама она, проснувшись, встревожилась: из-за того, что Абдул сбежал, полицейские, наверное, будут жестоко избивать ее мужа. Долг старшего сына предписывал тому прийти на помощь больному отцу.

Абдул шел, чтобы выполнить свой долг, и делал это почти что с радостью. Пусть виновные прячутся. А он невиновен, у него же это просто на лбу написано. Что оставалось делать? Только предаться в руки властей, которые докажут его невинность. Правда, за свою недолгую жизнь он имел возможность убедиться, что ни закон, ни справедливость не имеют силы. Но сейчас он снова был готов поверить в них.

Офицер в камуфляжной форме с погонами восседал за металлической кафедрой. Увидев Абдула, он удивленно поднялся. Усы чуть прикрывали мясистые губы, как у крупной рыбы. У парня навсегда запечатлелась в сознании эта картина: рыбы губы дрогнули, слегка раздвинулись, и полицейский улыбнулся.

Часть первая

Обитатели трущоб

«В Аннавади любят помечтать: ой, мой сын станет врачом или юристом, и он всех нас озолотит. Пустое тщеславие! Представьте себе, что лодка плывет на запад, а вы похваляетесь: «Какой я отличный штурман!». Но тут меняется ветер, и вот уже вас несет на восток».

Карам Хусейн, отец Абдула

Глава 1

Аннавади

Остановим воображаемую пленку, на которой записаны все эти события, в тот самый момент, когда офицер с рыбьими губами поднимается навстречу Абдулу. А затем прокрутим ее мысленно назад. Вот юноша удаляется от полицейского участка и аэропорта, вот он дома, вот сворачивается пламя, объявшее одноногую Фатиму, а спичка возвращается обратно в коробок. Вот за несколько минут до этого Фатима пританцовывает на костылях, целая и невредимая, и распевает противным голосом любовную песенку. Легкая туника в розовых цветах развевается на ветру.

Отмотаем пленку еще на семь месяцев назад. Тогда, в январе 2008 года, всех трущобных жителей охватила новая надежда. Такого подъема и энтузиазма еще не знали эти хижины, быстро плодящиеся в крупнейшем городе той самой

страны, где живет треть беднейшего населения планеты. Страны, ошалевшей от головокружительного подъема и внезапного финансового бума.

В тот день рассвет был ветреным. Это вполне типично для января, месяца, когда люди запускают воздушных змеев и ходят с простуженными ушами. Абдул спал на песке на улице. Места в доме не хватало, чтобы все члены семьи могли улечься хотя бы на полу. Долгие годы кучка песка служила мальчику кроватью. Рано утром мать аккуратно переступила сначала через одного из его младших братьев, потом через другого, и нагнулась к старшему сыну.

– Просыпайся, придурок! – прокричала она ему в ухо. – Ты что, считаешь, что твоя работа – сны смотреть?

Наблюдательная и суеверная Зеруниза заметила, что самый большой доход семья получала именно в те дни, когда она с рассвета обрушивала град ругательств на Абдула. Январские финансовые поступления были принципиально важны для реализации недавно созревшего у Хусейнов плана. Они всерьез решили покинуть Аннавади. Чтобы подстегнуть удачу, мать решила прибегать к утренним проклятиям регулярно.

Абдул поднялся безропотно. Зеруниза не терпела никаких причитаний, кроме собственных. К тому же в этот ранний час он меньше всего ненавидел свой квартал. Бледное солнце чуть играло серебристыми бликами на поверхности черной воды пруда. Щебет попугаев, обитавших у дальнего берега, еще был слышен, несмотря на набиравший силу рев самолетов. Возле соседних лачуг, стены которых чудом не разваливались, скрепленные проводами или веревками, сушилось и проветривалось влажное разноцветное тряпье. Дети в форменных школьных галстуках потянулись к колонке, волоча за собой ведра. Длинная очередь выстроилась к общественному туалету, располагавшемуся в выкрашенной в оранжевый цвет бетонной постройке. Козы смотрели по сторонам сонными глазами. Все было как-то уютно и по-семейному; еще не разгорелась борьба за существование, ежедневно бушевавшая в этом маленьком мирке.

Один за другим выходили люди из временки, в которой прорабы выбирали разнорабочих на день. Девушки начали плести гирлянды из ноготков – они продавали их, лавируя между подъезжающих к аэропорту автомобилей. Пожилые женщины взялись за шитье розово-голубых лоскутных одеял – некая торгующая такого рода сувенирами фирма посылала разовые заказы

в Аннавади. В маленькой душной мастерской по переплавке пластика полуобнаженные мужчины готовили к работе машины для выдува. Здесь из цветных шариков делали фигурки, подвешиваемые к зеркалу заднего вида. Трудно себе представить, кто и когда покупает всех этих улыбающихся уточек и розовых кошечек со стразами вокруг шеи. В это время Абдул надел старую, всю в пятнах рубашку, липшую от жары к его тощей спине, и сел за работу – разбирать двухнедельную гору мусора.

В целом его отношение к соседям было таким: «Чем ближе я узнаю вас, тем больше буду презирать. Да и вы, скорее всего, большой любви ко мне не ощутите. Поэтому давайте держаться подальше друг от друга». Но каждое утро, принимаясь за дело, он понимал, что рядом с ним не покладая рук трудятся, чтобы заработать себе на хлеб, другие обитатели Аннавади.

Квартал Аннавади находится в двухстах метрах от улицы Сахар Эйрпорт-роуд. Его можно было бы назвать одним из мест встречи новой и старой Индия, однако новая явно запаздывала «на randevу», с трудом отвоевывая у старой место под солнцем. Водители микроавтобусов яростно сигналили, прогоняя с дороги мальчишек-велокурьеров. У каждого из последних на багажнике велосипеда были закреплены большие ящики на триста яиц с трупобной птицефермы. Все это нужно было на рассвете развезти по магазинам.

Аннавади мало отличался от других трущоб Мумбаи. Все хибары были грязными и кособокими. Люди, владевшие менее убогими развалюхами, считались зажиточными. Существование среди нечистот и болезней считалось нормальным.

Поселение здесь появилось в 1991 году. Его основали выходцы из южного штата Тамилнад. Большую бригаду рабочих-тамиллов[4 - Тамилы – потомки древнейшего населения Индии, живущие в основном на юге страны. – Ред.] привезли тогда для реконструкции трассы, ведущей к аэропорту. По окончании подряда они решили поселиться в этом районе, в надежде на то, что здесь будет еще вестись масштабное строительство. Пустующих территорий в окрестностях практически не было, поэтому густо поросший кустарником болотистый, кишасший змеями участок по другую сторону шоссе возле международного терминала, показался им вполне подходящим местом для поселения.

Местная, мумбайская беднота полагала, что жить здесь нельзя – слишком сыро. Но тамилы лихо взялись за дело: выкорчевали кустарник, выгнали змей, накопили глину там, где посуше, и уложили ее слой поверх жидкой грязи. Через месяц бамбуковые палки, которыми они прощупывали землю перед тем, как ступить на нее, уже не отрывались от земли со смачным хлюпаньем. Под ногами была твердая почва. Тогда рабочие соорудили первые жилища, точнее, простые навесы: вбили колья и натянули на них пустые мешки из-под цемента. Обитатели соседних трущоб дали поселению имя «Аннавади», то есть земля «анна» – так тамилы уважительно называют старших братьев. Вообще-то обычно тамильских мигрантов называли совсем другими, гораздо менее вежливыми словами.

Однако соседи все-таки отдали должное трудолюбию и упорству новых поселенцев, умудрившихся осушить непроходимое болото.

Семнадцать лет спустя практически никто из обитателей этих трущоб, по официальным индийским стандартам, не мог считаться живущим за чертой бедности. Напротив, жители Аннавади входили в число тех индийцев (по статистике, их около ста миллионов), чье благосостояние значительно повысилось с 1991 года. Именно тогда, примерно в то же время, когда на свет появился этот квартал, государственная власть взяла курс на либерализацию экономики. Так люди из покосившихся домиков оказались в гуще событий: вокруг них кипело строительство, динамично рос современный город, стремительно внедрялись высокие технологии. Эта поразительная история еще не закончилась, а продолжала разворачиваться на глазах.

Правда, всего у шести человек из трех тысяч жителей квартала имелась легальная и постоянная работа (остальные, как и 85 % населения Индии, были заняты в теневой экономике). К тому же в Аннавади оставалось еще несколько человек, которые регулярно ловили крыс и лягушек и жарили их себе на обед, а еще некоторое количество употребляло в пищу травы, росшие у пруда с нечистотами. Но эти несчастные и не подозревали, что тем самым оказывают огромную услугу остальным. Те, кто не питался сорняками и вареным крысиным мясом, в том числе и Абдул, чувствовали свое социальное превосходство и верили, что скоро жизнь их станет еще прекраснее.

Отходов, поставляемых аэропортом и гостиницами, становилось в несколько раз больше зимой – на пике туристического сезона и активности международного

бизнеса. А еще в это время года местная элита играла свадьбы. Экономическая свобода и отсутствие регулирования в 2008 году вызвали беспрецедентный биржевой рост. Из-за строительного бума в Китае, готовившегося принять летние Олимпийские игры в Пекине, взлетели цены на металлы, в том числе и лом, по всему миру. Судьба подыгрывала Абдулу: это было очень благоприятное для мумбайского утилизационного бизнеса время. Хотя, надо сказать, сам юноша не чувствовал, что его статус вырос: многие сограждане, не вдаваясь в детали его рода занятий, по-прежнему называли бы его отребьем. Увы, люди часто путают человека, который занимается утилизацией мусора, и сам мусор.

В то утро, вытаскивая гвозди и выкручивая шурупы из собравшейся кучи лома, он старался не подпускать близко коз, которые паслись неподалеку. Обычно они с удовольствием обнюхивали пластиковые бутылки и вылизывали упаковку из-под продуктов. Как правило, Абдул позволял им отираться рядом, но сейчас эти твари, с их постоянным поносом, были угрозой для его «имущества».

Козы принадлежали мусульманину, содержавшему бордель в собственной хижине. При этом он все время жаловался, что девушки отлынивают от работы, притворяясь больными. Для разнообразия предприимчивый сутенер попробовал разводить домашних животных, надеясь выгодно продать их к празднику Ид[5 - Имеется в виду Ид аль-Адха, один из главных мусульманских праздников, который в России традиционно известен как Курбан-байрам. В этот день принято приносить в жертву скот. - Ред.]. В этот день, завершающий священный месяц Рамадан, принято приносить жертвы. Однако оказалось, что козы доставляют не меньше проблем, чем девицы. Стадо из двадцати двух голов быстро поредело: двенадцать пали, а выжившие страдали кишечным расстройством. Хозяин пенял на черную магию. Он все повторял, что тамилы отравили воду. Однако люди здравомыслящие возражали: все дело в том, что козы часто пьют из сточного пруда.

По ночам строители, работавшие на территории аэропорта, выбрасывали в пруд всякую гадость. Жители Аннавади тоже сбрасывали туда что попало. К примеру, недавно там были затоплены полуразложившиеся трупы двенадцати коз. Вода этого пруда (ее правильнее было бы назвать скорее токсичным бульоном, чем водой) оставляла следы на теле животных. Животы собак и свиней, которые по доброй воле или по неосторожности окунались в нее, покрывались синими пятнами. Тем не менее некоторые существа умудрялись приспособиться к существованию в сточном водоеме. Прежде всего, это были малярийные

комары, но не только они. По утрам иногда посередине пруда можно было увидеть лодку рыбака. Одной рукой он отгонял плавающие на поверхности пакеты и пустые сигаретные пачки, а другой закидывал сеть. Свой улов он нес на рынок Марол. Там мутировавшую рыбу обрабатывали и делали из нее рыбий жир. На эту полезную для здоровья пищевую добавку сейчас большой спрос на Западе.

Абдул поднялся, чтобы размять затекшую лодыжку, и с удивлением обнаружил, что небо заволочла коричневая дымка. Сквозь пелену смога еле пробивалось солнце. Уже полдень, а он и не заметил, как пролетели часы. Абдул всегда терял счет времени, занимаясь сортировкой мусора. Его младшие сестры играли с дочерьми одноногой Фатимы. Они по очереди катались на самодельном кресле-каталке: к треснувшему садовому креслу из пластика были приделаны ржавые велосипедные колеса. Девятиклассник Мирчи уже вернулся домой из школы. Он уселся на пороге дома с учебником математики на коленях и все никак не мог взяться за домашнее задание.

Мирчи с нетерпением ждал возвращения своего лучшего друга Раула. Этот парень из индуистской семьи, жившей здесь же, в Аннавади, недавно стал местной знаменитостью. Ему удалось совершить то, о чем Мирчи только мечтал: пробить брешь между миром трущоб и миром роскоши.

Мать Раула, Айша, была учительницей младших классов, но у нее были какие-то таинственные связи в районной администрации, среди местных политиков и полицейских. Недавно ей удалось временно пристроить сына официантом в отель «Интерконтиненталь», располагавшийся на другой стороне пруда. Так что Раул, простой парнишка, круглолицый девятиклассник с кривыми зубами, смог собственными глазами увидеть сказочную красоту и изобилие, среди которых обитает элита.

И вот, наконец, Раул показался в конце переулка. Он был одет с некоторой претензией на стиль. Шорты с многочисленными карманами, купленные благодаря такому подарку судьбы, как эта подработка, сидели низко на бедрах. Их поддерживал ремень с блестящей массивной бляхой. Кстати, на рынке вторсырья эта тяжелая металлическая вещь могла бы принести неплохой барыш. Темная вязаная шапочка была надвинута ниже бровей. Сам Раул называл все это «стилем хип-хоп».

Накануне был национальный праздник – шестидесятая годовщина убийства Махатмы Ганди. Раул обслуживал приуроченный к этому событию умопомрачительный банкет в «Интерконтинентале», хотя, признаться, раньше в высших кругах считалось дурным тоном устраивать вечеринки по такому поводу.

Раул знал, что его друг захочет узнать подробности, да поскорее.

– Мирчи, скажу тебе всю правду, – начал он с усмешкой, – там, где я стоял, толпилось около пятисот полуодетых женщин. Такое впечатление, что они, выходя из дома, забыли надеть нижнюю часть своего наряда[6 - В Индии в традиционалистских кругах оголение ног женщиной считается верхом неприличия. – Пер.]!

– Ах, почему меня там не было! – стонал Мирчи. – Рассказывай, приехали ли туда какие-нибудь знаменитости?

– Да там были одни только знаменитости! Это была болливудская вечеринка. Некоторые звезды не выходили из VIP-зала, огороженного шнуром, но Джон Абрахам[7 - Абрахам Джон (р. 1972) – известный индийский киноактер. – Ред.], например, продефилировал совсем близко от меня. На нем было красивое черное пальто, он стоял и курил прямо рядом со мной. И Бипаша[8 - Басу Бипаша (р. 1979) – современная индийская актриса и модель. – Ред.], наверное, была там, но я не уверен, она это или какая-то похожая на нее актриса. Менеджер запрещает нам разглядывать гостей, и если застанет за этим занятием, тут же уволит, а всю зарплату заберет себе. Нам это правило, как слабоумным, двадцать раз повторили перед началом фуршета. Надо во все глаза следить за скатертями и за ковром, чтобы на него не падал мусор. Если появится грязная пустая тарелка, нужно потихоньку проскользнуть к столу и тут же убрать ее, а если на полу валяется салфетка, подхватить и отнести в мусорную корзину в служебном помещении... Какой же красивый был тот зал для приемов! Сначала мы застелили его толстым и мягким ковром – чуть ступишь, проваливаешься в пушистый ворс. Потом расставили свечи и зажгли их, потушив верхний свет, так что там был полумрак, как на дискотеке. На стол в центре шеф-повар поместил скульптуры двух огромных дельфинов из подкрашенного льда. У каждого вместо глаз были вишни...

– Идиот, к черту дельфинов, расскажи про полуголых девушек! – запротестовал Мирчи. – Когда они так одеваются, то явно ждут, что на них будут смотреть.

– Нет, серьезно, смотреть нельзя. Нельзя разглядывать даже уборные для богатых, иначе тебя тут же вышвырнет охрана. Но, кстати, туалеты для обслуживающего персонала тоже были ничего. Можно было выбрать, каким пользоваться – индийским или американским[9 - Традиционный индийский туалет представляет собой две опоры для ног, чтобы было удобнее сидеть на корточках, и отверстие в полу с подведенной к нему канализационной трубой (подобные конструкции еще нередко встречаются и в России, например, на провинциальных вокзалах). Для подмывания (эта процедура очень важна для мусульман) пользуются шлангом или просто набирают воду из стоящего в туалете ведра. Американским в Индии называют ватерклозет европейского типа. – Ред.].

Раул, склонный к показному патриотизму, выбрал туалет в национальном стиле, представлявший собой простую дыру в полу.

Другие мальчишки обступили Раула, распинавшегося возле дома Хусейнов. В Аннавади любили обсуждать разврат и невоздержанность гостей в пятизвездочных отелях. И вообще любили поговорить о том, что происходит там. Один из мусорщиков, накачанный наркотиками, как-то дошел даже до того, что обращался к самой гостинице: «Я знаю, ты хочешь убить меня, гребаный «Хайат»! Но впечатления Раула имели особую ценность, потому что были искренними и правдивыми. Во всяком случае, если он и привирал, то процентов на пять. Такие рассказы укрепляли его авторитет, и подростки признавали превосходство этого мальчишки с веселым и живым нравом.

Раул, стараясь быть объективным, честно сообщил, что сам он не считает себя ровней постоянным служащим «Интерконтиненталя». Многие официанты были студентами или уже имели высшее образование. Высокие, светлокожие, с мобильными телефонами... Экраны их телефонов были такими гладкими и блестящими, что можно было смотреться в них, как в зеркало, что официанты и делали, время от времени поправляя прическу. Некоторые из них смеялись над Раулом и его длинным, выкрашенным в синий цвет ногтем на большом пальце руки (в Аннавади это считалось очень мужественным). Но когда парень срезал ноготь, все равно нашлось, над чем поиздеваться. Например, служащих потешала его речь. Раул сказал друзьям, что слово «сахиб», с которым в Аннавади обращались к богатым господам, не годилось для городской элиты.

– Они считают, что так может говорить только деревенщина, тапори, – заявил он. – Правильное обращение – «сэр».

– Сэрр-р-р, – передразнил кто-то, форсируя «р», и все, хохоча, тоже стали повторять это слово.

Мальчишки стояли плотной группкой, хотя места во дворе было достаточно. Для тех, кто привык жить кучно в тесных халупах, такой близкий контакт с собеседником нисколько не смущал. Абдул обходил их то справа, то слева, собирая багажные бирки, которые унесло ветром со склада. Никто из ребят не обращал на него внимания. Абдул говорил мало, а когда выдавливал из себя что-нибудь, казалось, что он неделю обдумывал простую фразу. Может, ему бы удалось завести пару друзей, если бы он умел рассказывать истории.

Однажды, пытаясь развить в себе эту способность, Абдул сочинил байку о том, как сам однажды побывал в «Интерконтинентале». Будто там показывали болливудский фильм «Добро пожаловать», и будто он собственными глазами видел Катрину Каиф[10 - Каиф Катрина (р. 1984) – современная индийская актриса и модель. – Ред.], всю в белом. История вышла малоправдоподобная. Раул сразу понял, что все это – выдумка. Поэтому послушать Раула сейчас было очень полезно, чтобы в будущем врать более убедительно.

Непальский мальчик стал расспрашивать о женщинах из гостиницы. Через щели в заборе он видел, как они курят у входа, поджидая своих водителей. Они курили не по одной сигарете, а помногу.

– Из какой деревни все эти женщины? – интересовался непалец.

– Слушай, идиот, – бурно отозвался Раул. – Белые люди приезжают из разных стран. Нужно быть совсем неотесанным, чтобы не знать таких простых вещей.

– Из каких стран? Из Америки?

Точно ответить на этот вопрос рассказчик не смог.

– Но и индийцы останавливаются там, это я точно знаю, – сказал он. Это были «полноценные» индийцы, высокие и толстые, а не такие хилые задохлики, как

непалец и другие мальчики из трущоб.

Впервые Раулу довелось подрабатывать в «Интерконтинентале» во время новогодней вечеринки. О том, какие роскошные праздники устраивают в Новый год в дорогих гостиницах, было хорошо известно. Мусорщики не раз приносили в Аннавади разорванные и помятые рекламные брошюры. «Приглашаем вас шикарно отметить наступление 2008 года в отеле «Ле Роял Меридиен»! – говорилось в них. – Вы окунетесь в атмосферу праздничного Парижа, прогуляетесь по аллеям, где играет музыка и выставлены произведения искусства. Вам будет предложено изысканное угощение! На нескольких сценах пройдут красочные шоу. Покупайте билеты, и в путь! Приглашение на двоих – 12 000 рупий[11 - По состоянию на июнь 2013 г. 1000 индийских рупий была эквивалентна 17,32 доллара США. Таким образом, 12 000 рупий – это около 208 долларов. Это примерно две средние месячные зарплаты в Индии. – Ред.], шампанское включено».

Листовки и брошюры были напечатаны на глянцевой бумаге, которую принимали на переработку по две рупии или четыре американских цента за килограмм.

Раула новогодний банкет не впечатлил.

– Дурацкая вечеринка, – таков был его вердикт. – Все пьют, танцуют и вообще ведут себя глупо, примерно так же, как наши соседи в повседневной жизни.

– Вообще многие постояльцы из отелей, когда пьяные, становятся какими-то странными, – поведал Раул своим друзьям. – Вчера в конце вечера один деятель, симпатичный парень в костюме в полоску, хорошо и дорого одетый, вдруг начал рассовывать хлеб по карманам брюк и пиджака. Но и этого ему показалось мало, и он принялся запихивать закуски прямо в штаны! Еда выпадала через брючины, а он ползал под столом и собирал ее. Один из официантов сказал, что, видимо, этот человек раньше голодал, а теперь пары виски воскресили в его сознании те времена. Но вот я, если стану богатым и приду на банкет в отель, никогда не буду вести себя как этот бедняга!

Мирчи засмеялся и спросил:

– А что вы, сэр-р-р, собираетесь сделать, чтобы разбогатеть?

Этот вопрос в 2008 году задавали себе и своим друзьям очень многие жители Мумбаи.

Но Раул не ответил, а вдруг растолкал толпу и двинулся куда-то. Его внимание привлек зеленый пластиковый воздушный змей, застрявший в ветвях баньяна у входа в Аннавади. Каркас змея был сломан, но его можно починить. Раул быстро смекнул, что ему, скорее всего, удастся продать змея кому-нибудь за пару рупий. Надо было поскорее забрать добычу, пока она не привлекла внимание какого-нибудь другого ушлого мальчишки.

Деловую хватку Раул перенял от матери. Ее звали Айша, и семейство Абдула ее слегка побаивалось. Она была активисткой партии Шив сена[12 - Шив сена (санскр. «армия Шивы») – региональная ультраправая националистическая индуистская партия. – Ред.], основанной индуистами, коренными жителями штата Махараштра, столицей которого является Мумбаи. Население города росло и приближалось к двадцати миллионам[13 - Сейчас население Мумбаи (учитывая пригороды) превышает 21 млн человек. – Ред.], а вместе с этим росла и конкуренция – рабочих мест и жилья катастрофически не хватало. Шив сена ополчилась на мигрантов из других штатов и обвинила их в том, что они отбирают у местных возможности трудоустройства, принадлежащие им по праву. (Основатель этого движения Бал Тхакерай, ныне глубокий старик, очень симпатизировал Гитлеру и его программе этнических чисток.) Сейчас Шив сена выдвигала идею изгнания из Мумбаи рабочих, приезжающих из беднейших северных штатов Индии. Кроме того, ее лидеры питали давнюю и глубокую неприязнь к мусульманскому меньшинству. По этим причинам родители Абдула, мусульмане и выходцы с севера, из штата Уттар-Прадеш, с двойной подозрительностью относились к живущим по соседству приверженцам радикального политического течения.

Однако дружба Мирчи и Раула была выше этнических и религиозных предрассудков. Иногда Мирчи, просто чтобы посмешить друга, выкидывал вверх кулак и выкрикивал приветствие членов Шив сена «Джай Махараштра!». Эти два девятиклассника стали даже внешне немного схожи друг с другом: оба отрастили длинные, закрывающие пол-лица челки и выработали привычку откидывать свои чубы со лба картинным жестом, прямо как знаменитый киноактер Аджай Девган[14 - Девган Аджай (р. 1969) – известный индийский актер, режиссер, киносценарист, кинопродюсер. – Ред.].

Абдул завидовал их близости и взаимопониманию. Единственным, кто мог кое-как претендовать на звание его друга, был Калу, бездомный пятнадцатилетний подросток, живший тем, что воровал отходы из оцепленных колючей проволокой зон с мусорными контейнерами в аэропорту. Но Калу работал по ночам, когда Абдул спал, поэтому они последнее время редко общались.

Больше всех Абдул любил своего двухлетнего брата Лаллу. И эта привязанность к малышу его все больше беспокоила. Слушая голливудские любовные песни, он приходил к выводу, что его сердце глухо к тому, о чем в них поется. Он еще никогда не сходил с ума ни по одной из знакомых девушек. Да, Абдул знал, что любит свою мать, но это чувство вряд ли можно было назвать глубоким и сильным. При этом стоило ему лишь посмотреть на Лаллу, как на глаза наворачивались слезы умиления. Малыш был столь же беззаботен и бесстрашен, сколь осторожен и трусоват был его старший брат.

На щеках и затылке у Лаллу часто красовались припухшие шрамы от крысиных укусов. Это приводило Абдула в отчаяние, но что оставалось делать? В такие месяцы, как нынешний, мусора на складе скапливалось слишком много, свободного места не оставалось, и часть его приходилось тащить в дом. Конечно, это привлекало крыс. Но складировать лом и другие отходы на улице тоже было невозможно – мусорщики разворовали бы запасы Абдула, и ему пришлось бы платить за один и тот же товар дважды.

В три часа дня Абдул занялся самой нудной и неприятной работой – сортировкой бутылочных крышек. Некоторые имели пластиковые вкладки с внутренней стороны. Весь пластик нужно было соскоблить перед тем, как отправить крышку в кучу к алюминиевому лому. С каждым годом упаковка дорогих продуктов и товаров становилась все более высокотехнологичной и «сложносочиненной»: разные материалы смешивались, одни имитировали другие. Пластины, казавшиеся на первый взгляд деревянными досками, оказывались полностью или частично пластиковыми или ламинированными. А к какой категории отнести люфу[15 - Люфа – теплолюбивая техническая культура с плодами, похожими на кабачок, или очень большой огурец. Из них делают губки и мочалки, но волокна применяются и для других целей. – Ред.], вообще было непонятно. При этом владельцы перерабатывающих предприятий принимали только однородное, очищенное от всего постороннего сырье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мумбаи (старое название – Бомбей) – один из крупнейших городов Индии, столица штата Махараштра. Расположен на Малабарском (западном) побережье полуострова Индостан. – Ред.

2

Майдан – на Востоке и в некоторых славянских и балканских странах (например, на Украине) – центральная площадь деревни, часто используемая как торг. Шире – вообще площадь. – Ред.

3

Джамбулан (джамун, слива джава, джамбул) – распространенное в Южной Азии садовое дерево, плоды которого, по форме и цвету напоминающие сливу, растут крупными гроздьями. Сок этих плодов имеет ярко-красный цвет. – Ред.

4

Тамилы – потомки древнейшего населения Индии, живущие в основном на юге страны. – Ред.

5

Имеется в виду Ид аль-Адха, один из главных мусульманских праздников, который в России традиционно известен как Курбан-байрам. В этот день принято приносить в жертву скот. – Ред.

6

В Индии в традиционалистских кругах оголение ног женщиной считается верхом неприличия. – Пер.

7

Абрахам Джон (р. 1972) – известный индийский киноактер. – Ред.

8

Басу Бипаша (р. 1979) – современная индийская актриса и модель. – Ред.

Традиционный индийский туалет представляет собой две опоры для ног, чтобы было удобнее сидеть на корточках, и отверстие в полу с подведенной к нему канализационной трубой (подобные конструкции еще нередко встречаются и в России, например, на провинциальных вокзалах). Для подмывания (эта процедура очень важна для мусульман) пользуются шлангом или просто набирают воду из стоящего в туалете ведра. Американским в Индии называют ватерклозет европейского типа. – Ред.

Каиф Катрина (р. 1984) – современная индийская актриса и модель. – Ред.

По состоянию на июнь 2013 г. 1000 индийских рупий была эквивалентна 17,32 доллара США. Таким образом, 12 000 рупий – это около 208 долларов. Это примерно две средние месячные зарплаты в Индии. – Ред.

Шив сена (санскр. «армия Шивы») – региональная ультраправая националистическая индуистская партия. – Ред.

Сейчас население Мумбаи (учитывая пригороды) превышает 21 млн человек. – Ред.

14

Девган Аджай (р. 1969) – известный индийский актер, режиссер, киносценарист, кинопродюсер. – Ред.

15

Люфа – теплолюбивая техническая культура с плодами, похожими на кабачок, или очень большой огурец. Из них делают губки и мочалки, но волокна применяются и для других целей. – Ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bu_ketrin/v-teni-vechnoy-krasoty-zhizn-smert-i-lyubov-v-truschobah-mumbaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)